

Д. И. Сазонов

Протоиерей, кандидат богословия, Костромская епархия,
г. Кострома, Россия

Служение Патриарха Алексия I как отражение догматического сознания Церкви

На основании источников наглядным становится факт, что догматическое и экклезиологическое восприятие Патриарха Алексия характеризуется верностью традициям единства и соборности Церкви, при понимании современных реалий жизни в атеистическом государстве. В послевоенное время, при совпадении интересов государства и Церкви, Патриарх предлагал правительству ряд международных проектов, которые возвышали авторитет Русской Церкви как лидера объединяющего Православные Церкви и давали возможность налаживать церковную жизнь внутри страны. Они также позволяли заявить о Русской Церкви как Поместной Церкви объединяющей весь православный мир, что позволяет сделать вывод об идентичности этой идеи имперскому сознанию. Изданные труды Патриарха свидетельствуют о его глубоком догматическом понимании синергии, соработничества Бога и человека, верности избранным принципам, несмотря на изменения государственного строя.

Ключевые слова: Патриарх, Церковь, государство, догмат, собор, гонения, верующие.

Основная мысль, которая возникает при рассмотрении деятельности Патриарха Алексия I, напрямую связанная рассмотрением его эпистолярного и проповеднического наследия, раскрывает его богословское сознание, которое четко базируется на догмате IV Вселенского собора, провозглашающем равенство двух природ во Христе – божественной и человеческой. Исследование его жизненного пути и богословско-литературного наследия показывают, что его принципы и взгляды не претерпели изменения на протяжении всей его жизни. В свете Халкидонского догмата следует понимать выбранный им курс жизни Церкви в атеистическом государстве.

В своих обращениях к пастве и главам Православных Церквей сам Патриарх поясняет, что халкидонский догмат о двух природах во Христе «представляет для нас незыблемое основание богочеловеческой жизни. Средоточием оной является Церковь Христова как видимый союз Бога с людьми, как Царство Божие на земле»[2, с. 158]. Именно с позиций понимания догмата богочеловеческого соработничества Патриарх видел главную задачу Церкви, живущей в государстве, провоз-

гласившем атеизм как одну из главных составляющих государственно-партийной идеологии, быть на высоте именно евангельского призвания. В понимании надмирного характера Церкви он призывал духовенство и верующих бороться против религиозного обмирщения. Указывал, что евангельское благовестие должно помочь христианину правильно воспринимать вызовы времени и давать на них правильный ответ. В условиях государственного атеизма он предлагал воспользоваться формулой «христианского реализма» - воплощать заветы Христа в секулярном мире, используя при этом современные формы проповеди[9, с. 9]. Он призывал паству возродить лучшие чувства русского народа обращаясь к пасхальной победе жизни над смертью. Понимать победу Христа над смертью как образ своего обновления. «А если нет смерти вообще, то настоящая наша земная жизнь озаряется светом и радостью, и на земле, где проповедано учение Христово о мире и любви, действует обновление жизни - писал он в Пасхальном послании к пастве в 1953 году, - мы все призываемся к тому, чтобы строить на земле жизнь радостную и свет-

лую» [2, с. 39]. «Радуюсь полноте и спасительности Халкидонского догмата, мы видим в нем неизменную основу богочеловеческой жизни на земле и в осуществлении оной тщимся подражать святым апостолам, - говорил он в своем слове к Иерусалимскому Тимофею, – прежде достижения Неба стремились землю сделать небом и, живя на ней, так вели себя во всем, как бы сами находились на Небе» [2, с. 71].

Следует отметить, что во время своего управления Русской Церковью в связи с периодической сменой государственного курса в отношении к Церкви, Патриарх Алексий много раз оказывался перед различным ситуативным выбором, который требовал не только глубоких богословских познаний, но также таких качеств как сила веры, чуткость, интуиция, владение инструментарием тонкой дипломатии.

Время и ситуация требовали от него поиска новых путей, анализа и осмысления столетиями ставших традиционными форм и моделей церковного управления. Он выбрал путь, которым опытно прошли его предшественники Патриархи Тихон (Белавин) и Сергей (Страгородский). Он продолжил их путь максимально используя изменившуюся в пользу Церкви обстановку. Широкий диапазон деятельности Патриарха был наполнен пастырской и богослужебной деятельностью, интенсивными международными и межцерковными контактами, восстановлением разрушенных в 1930-1940-е годы церковных структур, работе с кадрами. Понимая убеждения Патриарха, высоту его личности, следует также четко понимать, что в его обращениях к И. Сталину, к председателю Совета по делам РПЦ Г. Карпову, не было ни тени пресмыкательства перед властью. Обращения Патриарха не были продиктованы угодничеством, либо боязнью репрессий. Испытание ссылкой и нахождение в блокадном Ленинграде, «хрущевские гонения», арест близкого человека Д.А. Остапова, не сломили его. Наглядно духовная величина Патриарха, его верность своему призванию проявилась и была видна из его выступлений в защиту Церкви и паствы в 1940-х, так и в 1960-е годы - годы «хрущевских гонений против Церкви, когда был поставлен вопрос о самом существовании Церкви в СССР. Опубликованная переписка с Г. Карповым также показывает позицию Патриарха, в которой твердо выражена

глубокое понимание им времени в котором он жил и совершал свое служение: международной обстановки, определены приоритеты интересов Русской Православной Церкви в государственно-церковных отношениях. Такой вывод можно сделать из содержания переписки с Г. Карповым, в которой видна взвешенная и продуманная позиция Патриарха, по поводу, например, акцентов, в процессе воссоединения украинских греко-католиков с Православной Церковью. Патриарх, в данном случае, просит Совет отменить навязываемую властями соборную форму воссоединения, как могущую в дальнейшей перспективе показать навязанный властями характер воссоединения [1, 92-93]. К сожалению, власть не прислушалась к доводам Патриарха. Принятая Советом концепция дала повод в 1990-е годы восстановить структуры УГКЦ и дискредитировать процесс воссоединения с Русской Православной Церковью в 1946 году.

Среди инициатив выдвигаемых Патриархом в послевоенное время следует отметить ряд международных проектов, в которых он предлагал авторитет страны-победительницы над фашизмом – СССР подкрепить образом церковного объединения всех Православных Церквей с центром в Москве. Общеизвестно, что планы по объединению Православных Церквей были идентичными планам имперской России. Об идентичности этих планов еще в довоенный период говорили сменовековцы. В частности, в 1946 году в советском руководстве было принято решение поддерживать инициативу Русской Православной Церкви по объединению всех Православных Церквей в мире, а также, объединение вокруг нее епархий Русской Церкви в Америке, Финляндии и Европе.

Победой церковной дипломатии во главе с Патриархом в 1946-1948 годы можно назвать выход Русской Православной Церкви на уровень признания международным сообществом в качестве общественной дипломатии, российской дипломатии (с обличием имперскости), завоевание высокого авторитета среди Православных Церквей и неправославных религиозных объединений. Учитывая желание государственной власти к возвышению роли СССР в мировой политике, 13 января 1947 года Патриарх обращается к Г. Карпову с предложением созыва Всеправославного совещания, которое могло бы перерасти во Всеправославный собор в Москве,

как в объединительном центре Православного мира (царства). В той же парадигме, к категориям вселенского масштаба и к извечной геополитической формуле «Москва – Третий Рим» следует отнести просьбы Патриарха о «Русском Афоне», о восстановлении русского присутствия в Европе, Америке, на Балканах и Ближнем Востоке, в Японии. В обращениях Патриарха в Совет по делам РПЦ и к правительству говорится, что Советский Союз проводит политику «защиты традиционных интересов Родины»[4, 85-86]. Патриарх, учитывая обстановку, и приоритет политики государства в сторону имперских амбиций, готов был принять Советский Союз как форму имперской России, справедливо считая, что преемственность «русской идеи», «Православного царства», не подвержены изменениям времени, они вечны, и всегда будут востребованы людьми, желающими развития своему Отечеству.

По ряду причин, в первую очередь политических и идеологических, Вселенский всеправославный собор в Москве не состоялся. С 8 по 18 августа 1948 года в Москве прошло Всеправославное совещание по случаю празднования 500-летия автокефалии Русской Православной Церкви. Изменилась международная обстановка, период объединения в борьбе с фашизмом сменился периодом холодной войны, противостоянием идеологических систем, что не преминуло сказаться на отношении государства к религии. «Мы сожалеем о вынужденном, по прискорбным обстоятельствам военным и политическим, отсутствии среди нас боголюбивейших наших собратий – Глав церквей Константинопольской, Александрийской и Иерусалимской, - говорил он в своем слове перед открытием совещания представителей Автокефальных Православных Церквей 9 июля 1948 года, - Но мы уверены в их духовном единении с нами в эти дни»[2, 119]. В данных обстоятельствах, интересы Церкви и интересы государства расходились. Они, по-прежнему, были в разных плоскостях. Единство автокефальных Православных Церквей, как и основу единства всех христиан, Патриарх Алексий видел, в первую очередь, в верности Божественному Откровению, в подлинной христианской свободе духа, которая полагается в свидетельстве Истины, подтвержденным опытом неразделенной Церкви и раскрываемой соборным сознанием. Но религиозное

видение единства христиан (Ин. 17:21), как следует из переписки с Г. Карповым, не совпадали с желанием партийного руководства государства использовать религиозный инструментарий лишь для решения своих задач по созданию «второго Ватикана», возвышающего авторитет советской империи[10, с.7-8].

Верность евангельским принципам, инаковость Церкви миру, и вместе с тем, необходимость преодолевать человеческий грех отступничества от Бога проповедью веры и верностью принципам, всегда были отличительными чертами жизни и деятельности Патриарха Алексия. Вхождением Русской Церкви в структуры экуменического движения Патриарх видел возможность посредством создания «Всемирной Ассамблеи Мира», а также, религиозного объединения на площадках ООН, воплотить давнюю мечту Православной России и собрать Православные Церкви в братском единстве, а также, всех христиан, в единую Православную семью, возглавляемую Русской Церковью[6, Л.181-185]. «Пусть весь христианский мир знает, - обращался он к представителям и предстоятелям автокефальных Православных Церквей 9 июля 1948 года, - что Православная Церковь стремится к истинному единству для достижения мира на земле и для благополучия всех народов, идя навстречу призыву Христа ко всем труждающимся и обремененным»[2, 123]. Он также преостерегал представителей экуменического движения от «поворота [...] в сторону от Церкви как таковой, определяя ее значение в сопоставлении с понятиями ничего общего с ней не имеющими – с государством, с обществом [...] организованная по экуменическому плану церковь угрожает быть ближе к земле, чем к небу»[2, с.122].

Актуальность предложений Патриарха Алексия подтвердится через много лет. Идеи справедливости, мира и целостности творения появятся на повестке дня в 1980-1990-е годы. Их предложат богословы, ученые, философы, общественные деятели. Среди них назовем, например, такого немецкого ученого как д-р Карл Фридрих Фон Вайцеккер. Его работа «Время не ждет» посвящена идее созыва в 1990-м году Всехристианской ассамблеи мира. Такой призыв ученых в 1990-м подтверждает правильность и актуальность предложений Патриарха Алексия, высказан-

ных в 1946 году [3, с.46]. Укажем также, что в 1971 году, участвуя в работе Экклезиологической группы Конференции Европейских Церквей, проходившей в Шотландии, ее Генеральный секретарь, д-р Г. Вильямс, в своем докладе заявил, что «в диалоге христианства с миром важно теперь не столько подчеркивать вероисповедную истину [...] сколько определять и находить правду в мире, в жизни человека и общества для деятельности в соответствии с правдой» [3, с.46]. Другими словами, д-р Вильямс призывал к христианскому реализму, дабы видеть «секулярную» правду, справедливость и мир в свете христианского понимания, что вполне соответствовало убеждениям Патриарха Алексия в его представлениях о христианском реализме в парадигме соработничества Бога и человека.

Из переписки Патриарха в Совет по делам РПЦ видно, что международные проекты, привлечение Русской Православной Церкви к дипломатической деятельности, рост ее авторитета во всем мире, помогали решению внутренних задач по возвращению Церкви храмов и монастырей, возвращению репрессированных священнослужителей к своей деятельности, возвращению эмигрантов, покинувших Родину в Гражданскую войну, умножению количества духовных учебных заведений. Используя авторитет Церкви поднявшийся в глазах общества благодаря изменению государственно-церковных отношений в середине 1940-х годов Патриарх Алексий неоднократно защищал духовенство от произвола местных чиновников и уполномоченных Совета по делам РПЦ. Приведем цифры, свидетельствующие о плодотворной деятельности Патриарха по восстановлению церковных структур в 1945-1918 годах. Увеличение количества храмов только за год с 1947 по 1948 составило цифру 526 единиц (с 13803 до 14329) . Количество священнослужителей на 3 477 человек (с 9627 до 13 104). В Академиях (2) и Семинариях (8) обучалось 562 человека [11, л.70]. К 800-летию юбилею Москвы в 1947 году были возвращены мощи святителя Алексия Московского, Виленских мучеников, в Троице-Сергиеву Лавру для поклонения верующих вернулись мощи преподобного Сергия Радонежского.

Одним из проектов Патриарха по привязке международного и внутреннего контентов следует назвать проект возрождения духовного образования. Настойчивым призывом

звучат его ходатайства в Совет по делам РПЦ по восстановлению Духовных школ. Он дальновидно считал образование не только «рассадником для кадров нашей Церкви, но и центром научно-богословской мысли Вселенского Православия» [7, с.14-16]. Следует также отметить, что многие иерархи славянских и восточных Церквей получили образование в восстановленных Духовных академиях. Патриарх Алексий мыслил Лавру преподобного Сергия как комплексный духовный центр Русской Православной Церкви: академические и монастырские помещения как научно-богословскую базу и как площадку для производства предметов предназначенных для богослужебных целей [5, с.80-81].

Просьбами о решении задач с восстановлением Московской духовной академии и Семинарии в Троице-Сергиевой Лавре решался вопрос о возвращении не только исторического центра Русского Православия, но и центра всего Православного мира. Мысли Патриарха подтверждались всем ходом дальнейших событий. В Лавре преподобного Сергия, постепенная передача Церкви которой проходила с 1946 по 1956 гг., проходили все последующие Поместные и Архиерейские соборы Русской Православной Церкви, международные экуменические конференции. В Лавру преподобного Сергия приезжали главы правительств государств Запада и Востока, духовные лидеры Православия и мира.

На основании вышеприведенных фактов следует сделать вывод, что Патриарх Алексий, воплощал своим служением в жизнь Халкидонский догмат в рамках христианского реализма.

Своей верой и верностью Богу его заповедям и догматам Церкви Патриарх подал пример стойкости и несгибаемости малодушным и сомневающимся, пример мудрой дипломатии и дальновидного терпения. Он смог в тяжелые для Церкви времена поднять ее авторитет, собрать и объединить многих людей для созидательного соборного труда, выбрать верный курс в отношениях с государственными структурами, воспитать кадры, преданные Церкви и своему Отечеству, которому не переставал искренне служить верой и правдой на протяжении всей своей жизни.

В завещании, в котором Патриарх передает паству в ведение Бога, желая ей мира и благоденствия, слышится его вера в единство небесной и земной Церкви, которую он, как

пастырь, не оставит без своей молитвы[12, с.11-14].

Библиографический список:

1. Алексей I - Г. Г. Карпову 7 декабря 1945 г. Письма патриарха Алексия I в Совет по делам Русской православной церкви при Совете народных комиссаров - Совете министров СССР. Том 1. 1945–1953 гг. под ред. Н. А. Кривовой; отв. сост. Ю. Г. Орлова; сост. О. В. Лавинская, К. Г. Ляшенко. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009.
2. *Алексий, Патриарх Московский и всея Руси*. Слова, речи, послания, обращения статьи(1948-1954). М.: Издание Московской Патриархии, 1954. Т. II.
3. *Время не ждет!*//Журнал Московской Патриархии. М., 1989. С 46.
4. Государственный архив Российской Федерации (далее - ГАРФ) Ф. Р-6991. Оп.1.Д. 21.
5. ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп.1. Д. 30.
6. ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп.1. Д. 80; Ф. Р-6991. Оп.1. Д.142.
7. ГАРФ. Ф.Р-6991. Оп. 2. Д. 38.
8. Пострадавшие за Христа на Радонежской земле в годы гонений и репрессий XX века. Синодик с краткими биографическими справками [в 2 т.] / Сост. иером. Пафнутий (Фокин). Сергиев Посад: СТСЛ, 2021. Т. 1.
9. Речь Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия на официальном приеме в честь Генерального Секретаря Всемирного Совета Церквей д-ра Юджина Карсона Блейка (Троице-Сергиева Лавра, 29 марта 1967года)// Журнал Московской Патриархии, 1967. №5.
10. Речь Святейшего Патриарха Алексия на приеме, устроенном в его честь Генеральным Секретарем Всемирного Совета Церквей в Женеве 24 сентября 1965 года //ЖМП, №11.
11. Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИ ДНИ). Ф.17. Оп.132. Д. 7; Д. 109.
12. Телеграмма Святейшего Патриарха Алексия И. В. Сталину 5.11.1945 //ЖМП, 1945. №11.

©Сазонов Д. И., протоиерей, 2025